

УДК 32

Жуковский Д.А., асп. СКАГС

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА Methodological basis of the political concept by A. A. Zinoviev

Статья посвящена методологическому анализу политических взглядов и учения А.А. Зиновьева, актуальность которых возросла в условиях смены политического курса России после распада Советского Союза и попытки построения демократического общества.

Ключевые слова и словосочетания: революция, коммунистическое общество, сталинизм, политическая партия, методология.

The article is about methodological analysis of political views and study of A. A. Zinoviev, which became actual due to the change of Russian political course after the disintegration of the USSR and the attempt of building a democratic society.

Key words: Revolution, communist society, Stalinism, political party, methodology.

Можно утверждать, что А.А. Зиновьев является одним из наиболее значительных и в то же время самобытных политических мыслителей России не только в XX – начале XXI вв., но и на всем протяжении ее истории. С этой точкой зрения соглашаются многие авторитетные отечественные и зарубежные исследователи, государственные деятели, ведущие функционеры политических партий и общественных организаций. Как отмечает известный российский политолог И.М. Ильинский, «Зиновьев создал свою собственную социологическую концепцию и утверждал, что современный мир не может быть объяснен и понят в существующих категориях, понятиях и терминах, что это можно сделать лишь в том случае, если использовать его, зиновьевский понятийный аппарат» [1, с. 5].

В условиях современной ситуации в российском обществе критический пафос Зиновьева, которым пронизаны его работы, по утверждению С.Н. Бабурина, является констатацией фактов, необходимой для понимания происходящих социальных процессов и для подлинного решения стоящих перед российским государством и обществом политических и социальных проблем [2, с. 32]. Важно и то, что для Зино-

вьева всегда было характерно стремление понять проблему, не оглядываясь на тенденциозную критику.

Как философ, искренне болеющий за Россию, Зиновьев никогда не мог встретить одобрения на Западе, за исключением тех моментов, когда он подвергал критике существовавшую в Советском Союзе социально-политическую систему. Отметим, что у большинства западных, пролиберально ориентированных исследователей, исчез интерес к Зиновьеву, стоило философу осветить истинную суть западного общества, задаться вопросом о причинах и последствиях разрушения Советского Союза, о выгодах, которые Запад, в первую очередь, США, приобрели благодаря этому эпохальному событию.

Зиновьев, как отмечает Ю.Ю. Болдырев, прекрасно знал и понимал социальную систему, сложившуюся в странах Запада, относился к ней с уважением и, даже, с определенной долей симпатии, но, при этом, он всегда рассматривал Запад как естественного противника России, заинтересованного в ее ослаблении, если не сказать больше, в разрушении [3, с. 27]. При этом для Запада не имело большого значения, представлена ли Россия коммунистической системой, царизмом или какой-либо еще формой общественного устройства. И в том, что Зиновьев смог это понять и осветить в своих многочисленных научных работах, заключается его заслуга не только как выдающегося ученого – социолога и политолога, но и как патриота, настоящего гражданина своего отечества.

Уникальность политической концепции Зиновьева в том, что в ней дан анализ трех основных моделей общественного устройства, в той или иной степени оказавших крайне существенное влияние на социально-политическую жизнь российского общества в XX – начале XXI вв. – коммунистической, капиталистической (западнистской) и постсоветской, возникшей в результате крушения коммунистической системы на основе синтеза двух предыдущих моделей с добавлением отдельных элементов дореволюционной системы.

Становление взглядов Зиновьева на природу советского государства и общества происходило как раз в тот исторический период, когда среди наиболее образованной и в то же время преданной идеям коммунизма части советской молодежи нарастало сомнение в правильности выбранного руководством партии и государства курса, особенно в области внутренней политики. Атмосфера государственного террора, бесправное положение рядовых трудящихся, рост привилегий партийно-государственной бюрократии заставляли задуматься, действительно ли политика руководства страны осуществляется в рамках коммунистической идеологии, или же идеология является лишь прикрытием,

обеспечивающим установление диктатуры партократии над трудовыми массами.

Ключевую роль в формировании политических взглядов Зиновьева сыграло даже не осознание преступности проводимой властью репрессивной политики и расхождения между реалиями советского общества и коммунистическими идеалами, а глубокие размышления над такими ключевыми вопросами как сущность революции, проблемы партии и диктатуры пролетариата. Мыслитель признается, что изначально его стали интересовать не столько исторические факты и судьбы личностей, вовлеченных в революционную деятельность, сколько «бытовой аспект» революции [4, с. 122].

В результате, к 1939 г. у Зиновьева сложилось собственное понимание революции, отличавшееся не только от официальной концепции революции, находившейся на вооружении господствующей идеологии, но и от позиций многих оппонентов советской власти. Проанализируем ее основные особенности. Зиновьев отмечает, что, несмотря на западное происхождение коммунизма как политической философии и идеологии, коммунистическое общество впервые возникло в России, к чему, разумеется, вели свои определенные предпосылки. Исходя из марксистской теории, объяснить, почему коммунистическое общество возникло именно в России, в условиях краха Российской империи, не представлялось возможным. Видимо, коммунистические отношения существовали в российском обществе и прежде. «Коммунистическое общество в России, – пишет Зиновьев, – возникло не в качестве случайного исключения из общих законов эволюции общества, а в удивительном соответствии с ними» [4, с. 124]. Поэтому революцию можно рассматривать лишь в качестве события, непосредственно воплотившего в жизнь предпосылки коммунистического общества, складывавшиеся в России на протяжении столетий ее истории.

Осознание природы Октябрьской революции возможно лишь посредством осознания того общественного строя, который сложился в России в результате ее победы, при этом знание хода событий и даже всех причин, приведших к победе революции, не может дать о ней исчерпывающего представления. Поэтому на первое место выходит анализ социальных отношений, восторжествовавших после революции, и «бытовые аспекты», в этом ключе, играют гораздо большую роль, чем все бурные события, сопутствовавшие кардинальному перевороту в политической жизни Российского государства.

Несмотря на то, что революция провозгласила своей целью тотальный разрыв с прошлым, с «эксплуататорским миром», в действительности новая политическая система, если не брать во внимание идеоло-

гию, а сосредоточиться на особенностях государственной практики, не только мало отличалась, но фактически повторяла систему старую. действительно, для рядового члена общества каких-либо существенных изменений не произошло. Практически в первые послереволюционные годы были созданы новые институты власти, возрожден чиновничий аппарат, по образцу и подобию прежних армии и полиции созданы новые вооруженные силы и правоохранные органы. Несмотря на различия в названиях и даже в формальной структуре, истинная суть, предназначение этих органов ничем не отличались от институтов власти царского режима.

Более того, как отмечает Зиновьев, произошло чрезвычайное расширение самой сферы власти и ее полномочий, численность бюрократического аппарата увеличилась во много раз по сравнению с дореволюционным периодом. декларированной передачи всей полноты власти трудящимся массам, организованным в Советы и направляемым коммунистической партией, на практике не произошло. Строилась государственная машина, превосходившая дореволюционную, причем на первые роли в обществе выдвигались не классы феодалов и капиталистов, как прежде, а чиновничий аппарат, во время монархии бывший лишь выразителем интересов правящих слоев. В Советском Союзе же, в особенности после установления культа личности Сталина, бюрократический аппарат превратился в правящий слой, диктующий свои идеологические установки и модели поведения всему остальному населению страны.

Подчеркнем, что, помимо вопроса о сущности русской революции, основополагающим для Зиновьева, как, впрочем, и для многих других левых критиков советской системы, стало изучение проблемы диктатуры пролетариата и положения пролетариата в советском государстве. И здесь следует отметить специфику взгляда философа на данную проблему, существенно отличающуюся от позиций других исследователей. В частности, и троцкизм, и левый коммунизм, и социалистические направления анархизма признавали, что рабочий класс находится в Советском Союзе в угнетенном положении или же имеет недостаточный доступ к власти и материальным ресурсам, но ни одно из этих направлений левой политической мысли не ставило под сомнение сам факт существования рабочего класса в советском обществе.

В то же время Зиновьев пришел к выводу, что, поскольку в коммунистическом обществе пролетариат исчезает как класс, термин «диктатура пролетариата», используемый официальной советской идеологией, абсурден. Рабочие, как отмечает философ, представляют собой, в первую очередь, членов определенных деловых коллективов. Однако

данные коллективы, во-первых, неоднородны в силу того, что состоят из представителей разных социальных групп, а во-вторых, не объединяются в единое целое сами по себе. Объединение же этих коллективов может функционировать только как система власти и управления, представители которой уже не являются рабочими [4, с. 128].

Размышления над природой советского государства натолкнули Зиновьева на мысль о необходимости борьбы с существующим строем. Отметим, что во второй половине 1930-х – 1940-х гг. существование нелегальных молодежных кружков левокоммунистической направленности было, несмотря на общую атмосферу страха, господствовавшую в стране, достаточно распространенным явлением. Как отмечают исследователи, создание подобных организаций «было неизбежным следствием и характерным признаком одного из внутренних противоречий тоталитарного строя» [5].

Первоначально антисталинизм Зиновьева, основывавшийся на понимании того тяжелого положения, в котором оказалось советское общество, основывался исключительно на критике самого диктатора и созданной им системы. Однако постепенно, под влиянием анализа советского социума, а также исторических событий, в которых Зиновьеву довелось участвовать, в частности, Великой Отечественной войны, философ от персонификации сталинизма в лице И.В. Сталина и его ближайшего окружения «вождей партии и государства» перешел к критике сталинизма как социально-политического феномена, связанного даже не столько с самой фигурой Сталина, сколько с той моделью общественного устройства, которая утвердилась в России после Октябрьской революции.

Зиновьев, пытаясь преодолеть существующие расхождения по вопросу о трактовке понятия «сталинизм», представляет свое собственное определение, подразумевая под сталинизмом определенную историческую эпоху, во время которой усилиями лично Сталина, его окружения и его последователей в коммунистической партии и государственном аппарате в стране создавалось коммунистическое общество, формирующееся результате субъективного переложения тех объективных закономерностей и предпосылок к его появлению, которые присутствовали уже в дореволюционной России [6, с. 252].

После официальной десталинизации советского общества и, в особенности, после распада советской системы отношение к репрессивной политике государства, к деятельности карательных органов и связанному с ними доносительству наполнилось чисто негативным содержанием, лишенным, как отмечает Зиновьев, строгого научного анализа. Целая историческая эпоха трактуется, исходя из эмоциональных по-

буждений тех или иных авторов, при этом по отношению к советскому обществу сталинского периода достаточно часто можно услышать такие отвлеченные эпитеты как «преступное», «аморальное».

Зиновьев оказывается одним из немногих мыслителей, способных выступить с критикой подобных утверждений, руководствуясь не стремлением произвести историческую реабилитацию сталинизма как политической системы, а целями наиболее полного научного исследования сталинизма, в рамках которого использование эмоциональных эпитетов оказывается совершенно бессмысленным и, более того, вредным для понимания подлинной сущности происходящих в указанное время в советском государстве процессов.

Как известно, прежде, чем получить известность в качестве политического философа, А.А. Зиновьев продолжительное время занимался вопросами логики, опубликован целый ряд научных работ по данной дисциплине. Впоследствии опыт изучения логики был применен философом к исследованию социальных феноменов, в результате чего им была предложена концепция логической социологии. Рассматривая социальные объекты, под которыми подразумевались социальные феномены и явления, как объединения людей, Зиновьев стремился проанализировать специфику функционирования этих объединений посредством применения к социальным наукам методов логической социологии.

Для решения этой задачи, от исследователя, по мнению Зиновьева, требуется, в первую очередь, следовать принципу субъективной беспристрастности, то есть рассматривать природу явлений, стремиться вникнуть в их суть, вне зависимости от личных симпатий или антипатий, которые исследователь может питать в данном вопросе. Естественно, что исследователь социальных процессов является точно таким же членом общества, как и остальные люди, но, тем не менее, для достижения оптимального эффекта своей исследовательской работы ему следует как бы «выпасть» из социальной реальности, превратившись, как отмечал Зиновьев, в суверенное государство из одного человека.

Можно отметить, что, разделяя нарративный и научный историзм, т.е. стремление к выяснению и описанию происходивших фактов, с одной стороны, и использование социологических концепций для объяснения исторического процесса, Зиновьев все же склоняется к последней точке зрения, будучи убежденным в том, что лишь действенный социологический анализ даст наиболее полное и беспристрастное представление о реальной природе тех или иных социальных феноменов прошлого и настоящего [6, с. 38].

Для объяснения социально-политических явлений в логической социологии Зиновьева используется оригинальный категориальный аппарат, ознакомление с которым необходимо для понимания общей направленности его исследований и эволюции его взглядов на протяжении жизни в Советском Союзе, на Западе и в постсоветской России. Поэтому рассмотрим основные понятия, используемые философом в своих работах, посвященных социальным феноменам.

В первую очередь, отметим, что, говоря о социальных объектах, Зиновьев выделяет два взгляда на их природу: множества, объединяемые определенными общими признаками и обладающие, соответственно, общими качествами, и индивидуальности, природа которых оригинальна и не имеет аналогов. Стремление марксистской теории к обобщению, к сведению всех социальных процессов и феноменов к неким общим моделям, для которых характерны общие свойства, приводит, в конечном итоге, к неспособности дать адекватный анализ исторических событий. Как мы знаем, данную слабость доктрины исторического материализма утверждали, помимо Зиновьева, и многие другие, по преимуществу зарубежные, исследователи. В то же время изучение истории с помощью социологической концепции предполагает исследование индивидуальных объектов в их уникальности и неповторимости [7, с. 61-62].

Зиновьев подчеркивает ошибочность подхода, господствующего во многих современных исследованиях, посвященных социальным проблемам. Отношение к сталинизму здесь может выступать в качестве наилучшего примера, поскольку сегодня практически на официальном уровне проводятся параллели между сталинским режимом и нацизмом А. Гитлера. Совершенно разные по внутреннему содержанию, хотя, возможно, и сходные в некоторых проявлениях диктаторские режимы в самых разных странах мира объединяются неким общим понятием «тоталитаризм», которое фактически игнорирует региональные, национальные и временные особенности [7, с. 62]. Зиновьев же, подчеркивая, что поиск общих свойств социальных объектов является одним из важнейших элементов в их познании, утверждает, что все же исследователю социальных процессов чаще всего приходится работать с индивидуальностями, с неповторимыми социальными объектами.

Поскольку логическая социология Зиновьева имеет в качестве основного объекта исследования человеческие объединения, мы можем выделить в качестве центрального понятия его политической концепции концепт «общество», которое определяется философом как «скопление более или менее большого числа людей, объединенных в некоторое относительно замкнутое целое. Оно достаточно долго сохраняет-

ся в этой целостности и замкнутости, воспроизводится в самых существенных чертах деятельности своих членов» [7, с. 39].

В то же время, как отмечает С.В. Костов, поскольку понятие «общество» в обыденной речи, да и в научных исследованиях, употребляется в самых разных контекстах и наделяется различным смыслом, необходима его экспликация [8]. Как мы можем видеть, Зиновьев эту экспликацию осуществляет, выделяя из множеств социальных объединений сообщества, называемые им «человеяниками» и характеризующиеся как «объединения людей, обладающих комплексом признаков. Примечательно, что философ проводит параллели между человеческими сообществами и сообществами животных, о чем свидетельствует и сам термин «человеяник», образованный по аналогии с муравейником. Это позволяет, как отмечает А.А. Гусейнов, охарактеризовать социологическую концепцию Зиновьева и как, своего рода, социозоологию, поскольку стада и стаи животных предшествуют человеяникам [9, с. 22].

Человеяник обладает определенной территорией, внутренней самоидентификацией, производит средства к существованию и обеспечивает свою безопасность от посягательств других сообществ, рассматриваемых в качестве «чужаков». далее Зиновьев отмечает, что далеко не каждое сообщество людей можно назвать человеяником, в частности, такие объединения, как армейское подразделение, монастырь или скопление людей во время массовых мероприятий человеяниками не являются [9, с. 22].

Члены человеяника живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как единое целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеяника [7, с. 107]. Эти связи, как отмечает Зиновьев, основываются на экзистенциальном эгоизме, побуждающем индивидов действовать для сохранения и укрепления своей социальной позиции, в то же время стремясь к согласованию индивидуальных эгоистических побуждений с определенными нормами, по которым существует человеческое сообщество. «Законы рационального расчета, – подчеркивает мыслитель, – реализуются в системе правил коммунального поведения. На овладение ими уходят годы. Причем не все овладевают ими в одинаковой мере и полностью, И в поведении люди часто делают ошибки» [7, с. 141].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что концепция человеяника, разработанная Зиновьевым, является логическим продолжением той линии, начало которой задолго до него положили мыслители эпохи Возрождения и Нового времени, в первую очередь Н. Макиавелли и Т. Гоббс. Это отмечает и ряд исследователей, в частности,

Г.П. Гребенник, подчеркивающий принадлежность зиновьевской концепции общества к макиавеллистскому дискурсу. Если в обществе господствует рациональный расчет, основанный на экзистенциальном эгоизме, то законы, по которым функционирует политическая жизнь общества, не могут в корне отличаться от более общих социальных законов.

Наоборот, в сфере политики социальные законы проявляются наиболее отчетливо, рациональный расчет там куда более явен. В этой связи можно сделать вывод о том, что целью политики становится захват и удержание власти, при этом наиболее искусные политические деятели способны реализовать эту цель с наименьшими затратами, с наибольшей экономией тех средств, которые используются в завоевании и сохранении господствующих позиций в обществе. Люди, вовлеченные в политическую деятельность, совершенно не обязательно изначально обладают какой-то особенной подлостью или вероломством, руководствуясь соображениями карьерного роста и материальной выгоды, что, в принципе, является нормальным явлением для всего человеческого сообщества в целом.

Однако в процессе политической деятельности сильнее, чем в других сферах, работают законы естественного отбора по принципу «выживает сильнейший» (хитрейший, с наиболее развитой системой связей). В результате, те люди, которые в процессе политической деятельности оказываются в верхних эшелонах власти, приобретают особый номенклатурный опыт, который позволяет им продвигаться вверх за счет использования как поддержки своих «клиентов», связывающих свое собственное карьерное продвижение с занятием своим патроном наиболее приоритетных позиций, так и благосклонности политиков, занимающих более сильные позиции в органах власти и стремящихся также заручиться поддержкой снизу.

Для объяснения бессмысленности оценки политической реальности с позиций морали наиболее показателен пример советского общества, в котором участвовавшие в политической жизни деятели, исходя из обыденных этических представлений, могут рассматриваться как законченные негодяи, поскольку многие из них на протяжении своей политической жизни участвовали в целой серии глобальных предательств, начавшейся еще в период сталинизма с практики доносов и соучастия в репрессивной политике государства и протянувшейся цепочкой, через отвержение сталинизма при Хрущеве, критику хрущевизма при Брежневе, перестройку Горбачева, тотальный отказ от советского прошлого при Ельцине, к последнему кардинальному поворо-

ту от демократических идеалов ельцинизма к возрождению национально-государственной линии при Путине.

Мы можем согласиться с исследователями, отмечающими, что начавшийся в юности конфликт между коммунистическими идеалами Зиновьева и советской реальностью, которая им соответствовала в самой малой степени, продолжался на протяжении всей жизни философа [10, с. 75]. Действительно, между основными положениями марксистско-ленинской идеологии, не говоря уже об аутентичном марксизме, и теми условиями жизни, в которых оказалась большая часть населения Советского Союза, было мало общего. Нельзя сказать, что расхождение теории и практики в советском обществе Зиновьев заметил первым, поскольку с самых первых лет нахождения коммунистической партии у власти не прекращалась ее критика с левых позиций, осуществляемая не только противниками партии извне, но и оппонентами ее руководства внутри самой партии. Достаточно упомянуть линию «рабочей оппозиции», более позднюю критику советского строя Л.Д. Троцким и его последователями.

Однако среди многочисленных критиков советской системы «слева» А.А. Зиновьев занимает совершенно особое место. Не только в силу масштаба личности, но и сообразно специфике его философских и политических взглядов. В первую очередь, отметим, что Зиновьев никогда не следовал какому-либо из сложившихся политических направлений, выступавших в качестве левых оппонентов советской власти, будь то троцкизм, рабочизм или анархизм. Значимость разработанной им политической концепции не только в ее оригинальности и правоте многих сделанных выводов, но и в том, что Зиновьев стремился подвести под нее философскую базу, вывести некие общие законы, которые позволили бы не только критиковать советскую систему, но и обосновать, почему развитие страны пошло именно по такому сценарию, как стало возможным построение именно такой социально-политической модели, реалии которой столь сильно расходились с официальной марксистско-ленинской идеологией.

Литература

1. *Ильинский И.М.* Вступительное слово // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной науч. конф. / Под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. М., 2007.
2. *Бабурин С.К.* Зиновьев сегодня // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной науч. конф. / Под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. М., 2007. С. 32.
3. *Болдырев Ю.Ю.* Суверенная личность и любовь к отечеству // Зиновьев сегодня // Зиновьевские чтения.

4. *Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. М., 2005.
5. *Печуро С., Булгаков В.* Дело джалалабадских школьников. К истории молодежных антисталинских организаций // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1., 1991.
6. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М., 1994.
7. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. СПб., 2004.
8. *Костов С.В.* Социологические направления в отечественной социологии // [http://www.kostov.ru/History in Russian. htm](http://www.kostov.ru/History%20in%20Russian.htm)
9. *Гусейнов А.А.* Об Александре Зиновьеве и его социологии // Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. С. 22.
10. *Большаков В.В.* Что такое истинный коммунист // Зиновьевские чтения.